

Лихачева — одного из крупнейших мысли-

тывать, поскольку образование — процесс

М. О. ЧУДАКОВА,

литературовед, писатель, профессор Литературного института
им. А. М. Горького, доктор филологических наук,
президент Фонда им. М. А. Булгакова, член Европейской академии,
советник руководителя Администрации Президента РФ

ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ И В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Дмитрий Сергеевич Лихачев тревожился за судьбу России — ежедневно и ежечасно. Между тем, и сегодня в гуманитарном образовании, в культурной жизни, в подготовке молодежи к продолжению того, что было сделано в нашей стране за последние 15 лет, есть много того, о чем стоит тревожиться.

Вступление в новый век всегда неминуемо ставит перед обществом задачу подведения итогов века минувшего, и с особой остротой этот вопрос стоит перед современной Россией и вызывает к ответственности мыслящих граждан. Думается, именно этой задаче посвящен том воспоминаний Дмитрия Сергеевича Лихачева, в котором чувствуется стремление лично подвести итог. Из этих воспоминаний видно, насколько этот исключительно толерантный человек был бескомпромиссен в каких-то вещах. Мне посчастливилось достаточно близко знать Дмитрия Сергеевича и многократно с ним беседовать, и каждый раз меня поражала эта бескомпромиссность, твердость шкалы ценностей, которая сочеталась с необычайной мягкостью, столь хорошо знакомой тем, кто общался с ним.

России огромным усилием удалось вернуться на исторический путь развития. В отличие от Германии и Японии, которые это делали при помощи оккупационных армий,

нам пришлось обойтись своими человеческими ресурсами. Это потребовало немалых жертв, но российские люди умеют совершать подвиги. Правда, потом они умеют их забывать и оплевывать. Мы выбрались из тупика, из исторического отстойника, в который попали в конце 1917-го года и пребывали около 70 лет. Мы часто слышим, что у нас были определенные достижения. Конечно, были — как не быть, если жизнь идет и люди трудятся? Однако есть огромная разница между историческим путем, пусть очень трудным, по которому мы сегодня идем, через кочки, болота, через почти непроходимый лес, и историческим тупиком, к которому можно мчаться по автобану, но в тупик. Об этой разнице мы часто забываем.

Михаил Афанасьевич Булгаков, не только исключительно талантливый писатель, но и умнейший человек (в чем я убедилась, много лет изучая его жизнь и творчество), в ноябре 1919 года, будучи молодым 28-летним человеком, написал в статье, которая была, по видимому, его первым литературным выступлением: «Кто увидит светлые дни нашей России после того, как мы позволили братоубийственную войну и перевороты? Наши дети? А, может быть, внуки? И мы, умирая, еще в чине жалких банкротов, вынуждены будем

сказать им: «Платите, платите честно и вечно помните социальную революцию».

Он на век вперед показал нам, в чем причины и где истоки сегодняшних проблем. И вот этот момент подведения итогов у нас совпал с моментом особенно острого ощущения необходимости плюрализма. Сегодня в школьных учебниках истории можно увидеть удивительные сочетания.

Мы должны учить юное поколение самостоятельно мыслить — с этим не поспоришь. Но это не то же самое, что поселить хаос в головах и признать, что исчезли черный и белый цвета. Это неверный подход, от нас ждут совсем другого. Следует помнить, что сегодняшний образовательный стандарт обращен к поколению, которое можно назвать поколением революции — ведь события в России в 1991-м году были революцией или, по крайней мере, огромным потрясением. Нынешние ученики родились в годы перелома, и они ежедневно слышат от родителей и старших знакомых о последствиях того перелома. Они не могут об этом не слышать — и кто, если не школа, должен дать им ключ к пониманию тех событий? Но они не имеют этого ключа — «благодаря» не только школе, но и средствам массовой информации и части мыслящего сообщества, которые последние 13 лет потратили главным образом на критику действующей власти. Вместо того чтобы поносить предшествовавшего российского президента, надо проводить исторический анализ, подводить итоги века, объяснять молодежи и детям, почему нужно было прибегнуть к таким резким поворотам, почему мы не могли дальше двигаться в тупик.

Этого никто не объясняет, а, между тем, все происшедшее и происходящее тесно связано с историей России, особенно XVIII–XX века. Именно тогда завязывались узлы истории, сформировалась империя (а могла и не сформироваться), что и определило дальнейший ход истории.

Характерные для России отношения между властью и подавляющим большинством населения возникли тоже не сегодня, эти отношения всегда несли в себе потенциал катаклизмов, что с особенной силой сказывается в наши дни. Все это необходимо объяснять, и главная задача школы — научить и дать возможность размышлять, но это не значит, что в истории нет аксиом. Необходимо постулировать то, что необходимо постулировать, не путая его с тем, что нуждается в дальнейшем размышлении.

Сегодня в ходу выражение, применяемое к самым разным явлениям: «Это наша история». Когда кто-то предлагает вернуть на пьедестал памятник Дзержинскому, на митинг

выходят молодые люди и говорят: «Да, надо вернуть, потому что это наша история». Они не понимают, потому что им никто не объяснил, что в историю может войти только нечто структурированное мыслью, поставленное на свое место, а не все скопом, по принципу Гегеля: «Что действительно, то разумно».

Шкала ценностей Дмитрия Сергеевича Лихачева была очень четкой. Мы перестали размышлять над тем, что должны сделать. Я уверена, что в Петербурге еще можно встретить на табличках имя Жданова. Почему? Или блокадники поддерживают это? Считают, что в блокаду он вел себя прекрасно? Не говорю уже про его знаменитый доклад. И в Москве, и в других городах еще много подобных пережитков.

Однако и противоположная тенденция не может не тревожить. Сегодня в учебниках поновому преподносятся очень многие важные факты, причем с оценками.

Например, в одном из учебников истории предлагается точка зрения на коллективизацию, прямо противоположная той, что была изложена в советских учебниках. Деревня смирилась с колхозным строем, хотя крестьянство оставалось самой бесправной категорией населения. Введение в стране паспортов, которых крестьянам не полагалось, означало не только возведение административной стены между городом и деревней, но и фактическое прикрепление крестьян к месту своего рождения, лишение их свободы передвижения, выбора занятий. С юридической точки зрения колхозник, не имевший паспорта, был привязан к колхозу так же, как когда-то крепостной к земле своего хозяина. В последней фразе параграфа сказано, что непосредственным итогом насильственной коллективизации стало безразличие колхозников к обобществленному имуществу и результатам собственного труда. После параграфа стоят вопросы, вот один из них: «В чем вы видите положительные и отрицательные последствия сплошной коллективизации?» Но в параграфе нет никаких оснований для положительных выводов. Во много раз продуктивнее была крестьянская кооперация, наши кооператоры — Чайнов, Кондратьев и другие — славились в мире. Кооперация была просто потрясающим достижением, но ее уничтожили. Однако об этом в учебнике истории нет ни слова.

Или, например, есть в учебнике глава «Формирование тоталитарного режима», там все правильно сказано, и там же читаем: «...в первой половине XX века подобный режим установился не только в СССР, но и в некоторых других странах, также решавших

проблему модернизационного рывка». Создается ложное впечатление, что без тоталитарного режима и модернизироваться-то нельзя было.

Какие же постулаты должны быть в учебниках?

Во-первых, это огромный просчет Ленина в надежде на мировую революцию. Он сделал Россию полигоном, вытяжным парашютиком. Ленин был искренне уверен, что революция полыхнет в Европе, а там и Америку затронет. Мы только искру дадим — из искры возгорится пламя. Этот просчет сделал политику большевиков после его «Апрельских тезисов» 1917-го года авантюрой в точном смысле слова. Мы решили сломать свой дом, так как верим, что сосед подарит нам другой, и начинаем ломать прежде, чем узнать: а готов он нам дарить? Это авантюра.

Во-вторых, большевики и Октябрьская революция сняли Россию с исторического пути и перевели в исторический тупик. Чтобы ученики это поняли, необходимо дать ясное представление о России 1900–1910-х годов, которая тогда была правовым государством. Например, любой человек мог пойти в кассу, купить билет и поехать за границу. После революции на протяжении семидесяти лет это никому и не снилось.

Нынешние учебники писали авторы, которые сами учились совсем по другим пособиям. Видимо, они ничего не могут с собой поделаться. Они подробно, по-новому, интересно, во многом правдиво рассказывают, как готовилась революция, каким образом сам Николай II, увы, очень много сделал для того, чтобы мы рухнули в революцию. Но ничего не сказано о том, чем была Россия до революции, что именно было разрушено — об этом все забывают. Нет нового взгляда на роль либералов. Предположим, что на минутку открылся занавес и люди, сочувствующие революции, увидели будущее России — изоляцию от всего мира и ГУЛАГ. Согласились бы они делать революцию?

В-третьих, что такое партия, которая больше семидесяти лет была единственной правящей партией и, клянясь именем Ленина и народными массами, утаила от этих на-

родных масс завещание Ленина, и все это время творила произвол?

И, наконец, в-четвертых, следует более подробно осветить тоталитаризм в России, близость Сталина и Гитлера. Мрачные страницы были в истории всех стран, и надо трезво посмотреть на XX век. Как в Германии, так и в России преследовали и уничтожали людей за инакомыслие. Когда говорят, что не надо ставить на одну доску Сталина и Гитлера, многие не соглашаются — ведь оснований для этого более чем достаточно.

Мы не сказали точно и ясно, чем был для России XX век и что мы сумели преодолеть и продолжаем преодолевать ценой напряжения всех национальных ресурсов. Оттого, что мы этого не сказали, на двух московских выставках, посвященных Сталину, в книгах отзывов можно прочесть: «Очень полезно для молодежи, так как свидетельствует о масштабности фигуры Сталина. Спасибо за выставку». «Да, Сталин действительно был величайшим гражданином нашей страны. Студенты». Физик рассказывает, как он был сталинским стипендиатом в 1949 году, как хорошо Сталин относился к физике, делал атомные бомбы. Позор тем, кто не читает Иосифа Виссарионовича. Академик, лауреат Сталинской премии и нынешних государственных премий, пишет: «На фоне тех политических ценков, которые после Сталина правят Россией, понимаешь, что они недостойны завязывать шнурки на его ботинках».

Еще цитата: «Выставка прекрасная, после войны Сталин восстановил империю, золотые погоны, русский оперный репертуар, русскую военную мощь. Была объявлена война иноземщине и космополитизму. Сталин придет!» И так далее. А один человек переходил с выставки на выставку и очень прочувствованно писал одно и то же: «Видимо, у нас 5 человек было репрессировано, один погиб, остальные прошли тернии Соловков, архангельские ссылки, получили образование и специальность и в конце концов зажили счастливо». Вот наша сегодняшняя точка зрения. Молодежь не считала это счастьем, и наша задача — позаботиться об этом.